

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

СОБЫТИЯ 1932–1933 гг. В СУДЬБАХ КАЛМЫЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Е. Н. Бадмаева

Голод 1932–1933 гг. в СССР — трагическая страница в истории нашей страны и, по мнению многих российских ученых, это была одна из величайших катастроф советского периода. В последнее десятилетие XX в. актуальным стало изучение исторических событий 1930-х гг. Сегодня благодаря новым отечественным и зарубежным исследованиям по этому периоду можно однозначно утверждать, что голод в отдельных регионах СССР возник не из-за плохих погодных условий, как утверждал, например, зарубежный историк Марк Таугэр [Таугэр 1996: 301], хотя засуха и другие негативные природные явления наблюдались в некоторых местах, а в силу субъективных предпосылок в цепи взаимосвязанных и взаимозависимых сталинских акций, способствовавших наступлению катастрофы. Но вряд ли можно поддерживать высказанное отдельными учеными суждение о целенаправленной сталинской политике по уничтожению крестьянства и заранее спланированном голоде. Из зарубежных исследователей апологетами данной концепции являлись Р. Конквест [1988: 45] и Д. Мейс [Mase 2004: 409], в ее поддержку выступили и украинские исследователи С. Кульчицкий [2007:43], Ю. Шаповал [2003: 85] и др. Российские же исследователи В. Данилов [1990: 15], И. Зеленин [1990: 38], Н. Ивницкий [2000: 248], В. Кондрашин [1996: 95] и другие считают несостоятельной данную концепцию о преднамеренной организации голода и уничтожении отдельных народов СССР, крестьян на отдельных территориях.

В данной статье описываются причины возникновения голода на основе документов из архивов и полевых материалов автора.

Представляется, что одной из причин голода в Калмыкии стала отчасти жесткая хлебозаготовительная кампания, проводившаяся государственными органами в целях ускорить темпы проведения индустриализации страны, а также обеспечить продовольствием население промышленных районов. Несмотря на применение репрессивных мер, в январе 1933 г. годовой план по сдаче зерна в Калмыцкой автономной области был выполнен лишь на 75,4 %. Сарпинский

улус под жесточайшим нажимом перевыполнил план в три раза, но при этом изъяв запасы у 6 колхозов, не оставив зерна для семенного фонда [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 43]. В 1933 г., несмотря на то, что Калмыкия с трудом пережила тяжелую голодную зиму, ей был установлен новый план сдачи хлеба в объеме 86 059 ц, что в 7,3 раза превышало поставки предыдущего года. Из них 76 901 ц (89,3 %) должны были сдать колхозы, а 9 158 ц (10,7 %) — единоличные хозяйства. Реализация поставленных задач в 1933 г. осуществлялась за счет увеличения посевных площадей в животноводческих колхозах с 24 тыс. до 37 тыс. га. В хозяйствах единоличников за этот же период посевные площади также значительно расширились с 1 тыс. до 11 тыс. га [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 39].

Голод в Калмыцкой автономной области в основном был вызван не столько непомерными хлебозаготовками (КАО не была серьезным производителем хлеба), а сколько недостаточной поставкой продовольствия. К тому же имевшийся скот в автономии значительно уменьшился в результате сельхоззаготовок. Из-за отсутствия продуктов питания и продовольственных запасов появились первые признаки надвигавшегося массового голода. Надежды на помощь государства не было; сами колхозы были маломощны и слабы в материально-финансовом плане, многие из них существовали только на бумаге. В действовавших колхозах не было достаточного количества скота и посевных семян, тракторов и сельхозинвентаря. В период насильственной сплошной коллективизации крестьяне зачастую намеренно забивали скот, гноили семена и т. д., что тоже вело к дезорганизации сельскохозяйственного производства. Раскулачивание деревни (в некоторых районах было репрессировано почти все крестьянство) привело к тому, что страна лишилась опытных хлеборобов и скотоводов, наиболее трудолюбивых и знающих сельскохозяйственное дело крестьян. Из-за налоговых, экономических и репрессивных мер значительно сократилось число зажиточных крестьян, к которым раньше можно было наняться на работу, чтобы спастись от голода.

О тяжелом продовольственном кризисе и массовом голоде калмыцкие партийные и государственные органы, спецслужбы неоднократно информировали центральные власти. Например, из секретной информации полномочного представителя по Нижне-Волжскому краю Калмыцкого областного отдела ОГПУ Полетаева от 25 марта 1932 г.: «В дополнение наших сообщений о продовольственных затруднениях в области, к настоящему моменту положение остается напряженным, особенно в Западном улусе. Отсутствие хлеба вызывает у крестьян опухание отдельных членов семьи. В Абганеровском аймаке колхозник Коплухов Г. голодает, распух и уже не может встать»¹ [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 204].

Полное изъятие хлебопродуктов, лишение даже семенного фонда, невыплата трудодней вызвали массовое недовольство крестьян, так называемые «голодные бунты». Так, 5 января 1932 г., по сообщениям спецслужб, в Кумском аймаке Западного улуса 32 колхозника отказались выйти на работу и потребовали выдать хлеба их семьям. В поселке Шенфельд Нем-Хагинского сельского совета Западного улуса произошло организованное выступление 30 голодных женщин [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 25, 27]. 27 марта 1933 г. руководство регионального ОГПУ сообщало в Калмыцкий обком ВКП(б) о том, что «продовольственные затруднения принимают все больший размах и увеличивается число смертей от голода» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 143–144]. Недовольство населения все больше нарастало, оно проявлялось, как отмечалось в сообщениях, даже со стороны руководящих работников. По агентурным данным органов НКВД, государственный и партийный деятель Калмыкии, писатель А. Амур-Санан в сентябре 1933 г. писал своему другу А. Чапчаеву в г. Ургу (Монголию) о тяжелом голоде, свирепствовавшем в СССР и Калмыкии. В этом письме, полном отчаяния, А. Амур-Санан выражал свое сочувствие голодающим землякам: «плачу, когда вижу, как батраки и бедняки голодают» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л. 129].

Из 225 опрошенных нами свидетелей голода в Калмыкии у 125 от голодной смерти погибли близкие родственники. Например, в семье жительницы колхоза «20 лет Октября» Караванинского сельского совета Долбанского улуса Ц. А. Мангутовой от голода

умерло четыре члена семьи [ПМА: 1]. В результате опроса очевидцев было установлено, что в 1931–1933 гг. случаи людоедства и трупоедства не имели места в селах и колхозах Калмыкии. Однако, по словам очевидца голода П. И. Манжиковой из х. Зюнгар Кебют Бюдермес-Кебютковского с/с Западного улуса, жители откапывали на скотомогильниках трупы животных, облитых креолином, отмывали их водой и варили из них супы [ПМА: 2].

В ходе опроса очевидцев голода 1932–1933 гг. был задан вопрос «Была ли оказана вам и членам вашей семьи во время голода какая-либо помощь колхозом, сельсоветом и т. д.?». Из 90 человек, ответивших на этот вопрос, 25 высказались утвердительно. Некоторые из них вспомнили, что государственная помощь их семьям оказывалась, но разово и в небольшом размере, другие говорили о помощи руководства колхоза, выдавшего им немного хлеба и отрубей. Но все они были едины во мнении, что помощь со стороны государства не была определяющей в их спасении. 65 очевидцев решительно заявили, что никакой помощи их семьям во время голода не оказалось².

Одним из распространенных средств выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство — последняя надежда попавших в беду крестьян. В 1932–1933 гг. так было и в Поволжье, и на Северном Кавказе, и в других охваченных голодом районах. Крестьяне Поволжья, в основном, побирались в местах, где традиционно были развиты огородничество и садоводство. У калмыка-кочевника ситуация была несколько иной. Он никогда не просил подаяния, так как это занятие считалось недостойным для калмыка. Фактически факты попрошайничества нельзя было встретить в калмыцких аймаках. Кроме того, калмык не мог позволить, чтобы нищий сородич ходил с протянутой рукой, поскольку задевалась честь его рода. Из опрошенных очевидцев голода ни один не подтвердил факта попрошайничества. Вся жизнь калмыка-скотово-

² Для примера приведем высказывания некоторых из них. А. Е. Таджикива из Сарпинского улуса: «Кто нам помогал?! Помощи никто не оказывал. Председатель был хороший, понимающий, но ничем помочь не мог» [ПМА: 3]. Большинство опрошенных говорили о том, что помощь, если и была оказана, то слишком поздно. Так, О. М. Горбанева из Сладковского сельсовета Западного улуса вспоминает, что помощь оказали, но к тому времени у нее от голода уже умерли два брата [ПМА: 4].

¹ Здесь и далее текст приводится без изменений.

да была связана со скотом. Иметь лошадь означало жить в достатке, поэтому богатство калмыка определялось количеством имевшихся у него коней. Традиционно угон лошадей у калмыков, как и у других кочевых народов, не относился к числу преступлений или порочных деяний. Кража скота была решением экономических проблем угонщика и демонстрацией его мужества, поскольку для угона лошадей или других видов скота требовалось немало храбрости, смекалки, выдержки. Как правило, краденый скот угонщик делил между своими родственниками, поэтому он пользовался большим авторитетом. Благодаря его добыче жили целые семьи и рода [Шантаев, Батыров 2007: 150]. Информант В. И. Теврюков рассказывал, как в возрасте 10-ти лет воровал скот в голодные 1932–1933 гг. Ему подбирали хорошую лошадь, и, будучи отличным наездником, он ночью один отбивал скотину от стада и угонял. Таким образом ему удалось спасти от голодной смерти все село [ПМА: 5]. Г. С. Очирова поведала, как ее свекор С. У. Очиров, проживавший в голодные годы в с. Кануково Сарпинского улуса, рассказывал с нескрываемым чувством гордости о том, что благодаря ему, лихому конокраду, от голода спаслись он сам и его ближайшие родственники [ПМА: 6]. Ч. М. Бамбаева, уроженка Ики-Манлана Сарпинского улуса, вспоминает, что жили бедно и голодно, но в их деревне никто не просил подаяния [ПМА: 7]. Обычно, если нуждалась калмыцкая семья, то они обращались за помощью к богатым соседям и родственникам. Могли остановиться у них, чтобы с их семьями разделить трапезу.

В голодные годы распространенным способом выживания стало употребление в пищу различных суррогатов. Среди них, по свидетельствам очевидцев, наиболее распространенными были: ботва картофельная, солома, опилки, глина, мясо и кости падших животных, «холодец» из сырых шкур животных. В Калмыкии активно употребляли в пищу мясо сусликов. Очевидцы голода Г. С. Чюрюмова, Н. Б. Халгинова, Н. К. Учурова и другие спасались тем, что варили суп из сусликов с тыквой. Особым лакомством считался дикий паслен. Зачастую на трудодни выдавались отруби на питание [ПМА: 8, 9, 10]. Использование возможностей личного подворья (сада, огорода), сбор трав спасало многих голодающих, но советская власть пыталась

установить контроль над всеми продовольственными запасами крестьянской семьи, в том числе и над тем, что давало подворье, что еще больше обостряло ситуацию.

Таким образом, разрушение коллективизацией и политикой советского правительства традиционной системы выживания крестьян в период голодного бедствия привело к значительному росту смертности. Хотя вряд ли можно утверждать, что советское правительство осознанно шло к этому. Попытки Сталина вывести страну из кризисного состояния были обречены на провал, поскольку масштабные и форсированные мероприятия по индустриализации страны и модернизации армии, проводимые, в основном, за счет деревни, насильственная коллективизация и раскулачивание разрушили сельское хозяйство, которое не могло при всем напряжении сил обеспечить продовольственную безопасность государства.

Крестьянская трагедия 1932–1933 гг. во всех ее проявлениях по существу идентична. То обстоятельство, что хлеб у крестьян изымался на нужды индустриализации, не может оправдать ни насилия при создании колхозов, ни тем более голода. Голод 1932–1933-х гг. не может быть оценен иначе, как крупный провал экономической политики советского государства и как геноцид против всего российского крестьянства.

Полевой материал автора: информанты

1. Мангутова Цаган Алкаевна, 1925 г. р., с. Бичк Шаха Караванинского сельского совета Долбанского улуса.
2. Манжикова Раиса Матвеевна, 1924 г. р., х. Зюнгар Кебют Бюдермес-Кебютского сельского совета Западного улуса.
3. Таджиева Александра Есеновна, 1918 г. р., п. Кетченеры Кетченеровского района.
4. Горбанева Ольга Михайловна, 1926 г. р., г. Элиста.
5. Теврюков Виктор Иванович, 1932 г. р., уроженец ст. Иловайской Сальского округа Северо-Кавказского края.
6. Очирова Галина Сангаджиева, 1933 г. р., к. «Улан Малч» Шамбайского сельского совета Приволжского улуса.
7. Бамбаева Читля Андреевна, 1924 г. р., с. Ики-Манлан Сарпинского улуса.
8. Чюрюмова Гарма Саранговна, 1922 г. р., уроженка х. Николаевский Сальского округа Северо-Кавказского края.
9. Халгинова Наталья Бадьминовна, 1904 г. р., ст. Кутейниковской Сальского округа Северо-Кавказского края.

10. Учурова Надежда Кирсановна, 1917 г. р., с. Атамановка Сальского округа Северо-Кавказского края.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.

Зеленин И. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6. С. 31–49.

Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. 620 с.

Кондрашин В. Голод в 1932–1933 гг. в Поволжье //

Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 92–99.

Кульчицкий С. Почему он нас уничтожил? Киев, 2007. С. 39–45.

Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 298–332.

Шаповал Ю. Политическое руководство УССР и Кремля // Современность. 2003. № 6. С. 78–101.

Шантаев Б. А., Батыров В. В. Угон скота у калмыков: кража или доблестный поступок // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 148–157.

Mase James E. Is the Ukrainian Genocide a Myth // La morte della terra. La grande “carestia” in Ucraina nell 1932–1933. Viera, Roma, 2004. P. 407–415.

УДК 94

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

БОРЬБА СО ВСПЫШКОЙ ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ В КАЛМЫЦКОЙ АССР И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1937–1938 гг.

М. В. Бадугинова

Юго-восток Европейской части России, в том числе территория Астраханской губернии и Калмыцкой степи в начале XX в. нередко становились очагом опасных инфекционных заболеваний: здесь возникали и получали широкое распространение эпидемии оспы, чумы, холеры и других инфекционных заболеваний [Дойникова, Сусев 1967: 164]. К сожалению, до настоящего времени в России чума до сих пор не ликвидирована, например, только на территории Калмыкии находятся части двух природных очагов чумы, одного — туляремии и лептоспироза, поэтому периодические вспышки эпидемий, по мнению ученых, неизбежны [Очиров 2009: 604].

Первые противочумные лаборатории на юго-востоке Европейской России были организованы в начале XX столетия в связи с признанием этой территории как постоянного эндемического очага чумы. Только за период с 1899 г. по 1914 г. в Астраханской губернии была зарегистрирована 81 вспышка с 1 931 заболеванием и 1779 случаями смерти, что составляет 93 %; по другим данным, за 1899–1917 гг. было 124 вспышки с 3 200 заболеваниями. В подчинении Астраханской

лаборатории, открытой в 1901 г., была целая сеть противочумных лабораторий, развернутых в Ханской ставке (1909), Новой Казанке (1912), Джамбейте (1912, затем переведена в Уральск), Царицыне (1913), Новоузенске (1913, затем переведена в Александров-Гай), Калмыкове (1913), Заветном (1914), Владимирове (1914). Эти лаборатории являлись районными пунктами для наблюдения за проявлениями чумной инфекции среди людей и грызунов и принятия первых мероприятий при появлении чумных заболеваний [Метелкин 1960: 394, 396].

С открытием Царицынской противочумной лаборатории в Калмыцких степях впервые были начаты работы по ликвидации чумы. С 1913 по 1987 гг. в Прикаспийском очаге было зарегистрировано 36 случаев эпизоотических вспышек, из них 34 случая в Калмыкии. Основными причинами заболеваний были такие формы контакта с носителями чумы, как заготовка пушнины и употребление мяса зверьков в пищу (52,7 %), а также основная деятельность жителя степи — скотоводство. Были зарегистрированы две вспышки, связанные с заболеваниями верблюдов: осенью 1924 г. в поселке Яста